

1. Об истоках большевизма

Советская система и советская экономическая модель созданы руками трех поколений российских большевиков. Большевизм – это крайне левое, радикальное, или экстремистское ответвление от марксизма, оформившееся в начале этого века и добившееся политической победы в России в 1917 г. Идеология большевизма во многом противоречила основополагающим идеям Маркса, но зато полностью отвечала национальным традициям и текущему моменту в истории нашей страны. В сущности, главный и самый широкий исток большевизма лежал в стремлении огромной массы людей изменить, т.е. улучшить социальные условия своего существования. А условия эти и в ныне развитых странах в прошлом были порою ужасающими. Ужасающими они были и в России. Идеиная подпитка большевизма поэтому шла как извне, так и изнутри своей страны.

Внешние конкретные источники большевизма связаны прежде всего с марксизмом, практикой “государст-венного социализма” в Германии при Бисмарке, а также со всевозможными утопическими теориями и религией, пришедшими с Запада. Именно Маркс создал удобную идеологическую конструкцию вокруг идей классов и классовой борьбы, обнищания пролетариата, неравенства в распределении доходов и богатств, в результате чего призвал к “экспроприации экспроприаторов”. Хотя жизнь очень скоро показала, что классовые различия совсем не обостряются, что наряду с классовыми в обществе существуют и многие другие (ещё более острые) различия – национальные, религиозные, клановые, культурные, номенклатурно-бюрократические и т.д., тем не менее для революционеров-профессионалов было очень удобно взять на вооружение идею создания райского процветающего общества, существующего без классов на базе обобществления средств производства и рационального (по науке) управления.

Революционеры-профессионалы, бунтари всех мастей (в истории их было великое множество, и, приходя к власти, они обычно приносили великие несчастья своему народу) создавали на этой идейной основе в 19-20 вв. культ революции, насильственного переворота вообще. Но потом неизбежно оказывалось, что это прямой путь к личной диктатуре, абсолютной власти, к авторитаризму и даже тоталитаризму, т.е. безграничному насилию.

В древние времена и в средневековые такие общественные формы образовывались в государствах фараонов, инков, иезуитов в Парагвае, в Китайской империи. Существовали они в Древней Спарте, христианских, индийских общинах, различных мессианских сектах в разных странах. Вспомним и первобытный коммунизм у племен на заре человечества. Это был мир не свободных людей, или товаропроизводителей, а мир кланового, военного, религиозного или бюрократического насилия и принуждения в интересах единоличного или группового (коллективное руководство!) господства. Например, в Парагвайской республике долгое время в средние века всё управление в стране осуществлял Орден иезуитов, католический монашеский орден, основанный в 1534 г. в Париже монахом Игнатием Лойолой. Основными принципами Ордена, претворявшимися в Парагвае на практике, были следующие: строгое повиновение младших старшим, централизация, абсолютный авторитет главы Ордена, взаимный шпионаж, оправдание любых средств высокой целью.

В таких общественных формах человеческой жизни и производства нет ни свободы, ни товарно-денежных отношений, но есть распределение по указанию сверху, нет хозяйственного расчета, определения истинной стоимости (ценности) вещей. Недаром Маркс писал, что в основе стоимости лежат общественно-необходимые затраты рабочего времени, и игнорировал потребительную стоимость (полезность), спрос и предложение, различия в качестве труда. А в годы “военного коммунизма” большевики стали уже вводить вместо денег талоны и ордера с указанием, что на производство данного продукта потрачено 2,5 или 12 трудовых часов, разрабатывались энергетические сертификаты и т.д.

Всё это прямо вытекало из следующих предначертаний Ф.Энгельса: “Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары... а значит и превращение их в стоимости. Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфический характер, становится с самого начала и

непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем... План будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной стоимости”¹. Я полагаю, что из подобных рассуждений возникли троцкистские идеи трудовых армий и боевых профсоюзов, вся советская практика планирования и ценообразования, а также уравнительного распределения доходов в СССР. Из подобных рассуждений начинается прямая и хорошо выглаженная бульдозерами дорога к государственной и партийной экономической науке, опирающейся на ЦК КПСС, КГБ и иные надёжные столпы.

Находясь под гнетом государственного бюрократического аппарата, многие марксисты и иные утописты издавна призывали к отмене не только денег, но и государства. Однако как только они приходили к власти, то в первую очередь проявляли заботу об укреплении государственных рычагов управления. И примером здесь служил германский опыт “государственного социализма” при Бисмарке (70-90 гг. XIX в.). Именно немцы провозглашали уже тогда централизованное государственное управление и планирование в интересах якобы свободы. И хотя социалистическая идея родилась не в Германии, именно здесь она развивалась наиболее сильно, получила воплощение в марксизме и была затем благожелательно воспринята в России. Как свидетельствует Ф.Хайек, немцы даже вынашивали претензию на организацию новой Европы². Именно Бисмарк создал “образец экономического устройства”, в котором “были заранее созданы все условия, необходимые для победы социализма”, а все люди перестали быть частными лицами и превратились в госслужащих. Их целью стало не личное или семейное счастье, а укрепление организационного единства государства, приобретшего небывалую власть и силу³. Сторонником ценностей “прусского социализма” был и О.Шпенглер, который выступал за единство и дисциплину нации, за создание государственного, т.е. этатистского социализма.

Важную роль играют и различия в национальном характере, в особенностях исторического развития, если всерьёз говорить о направлениях социального обустройства в разных странах. На эту сторону дела обратил в своё время внимание наш выдающийся народник-революционер и анархист М.Бакунин. В своей книге “Государственность и анархия” он писал: “...В немецкой крови, в немецком инстинкте, в немецкой традиции есть страсть государственного порядка и государственной дисциплины, в славянах же не только нет этой страсти, но действуют и живут страсти совершенно противные; поэтому, чтобы дисциплинировать их, надо держать их под палкою, в то время как всякий немец с убеждением свободно съел палку. Его свобода состоит именно в том, что он вымуштрован и охотно преклоняется перед всяким начальством”⁴.

И далее: Все желания и требования немцев “были устремлены, главным образом, к одной цели: к образованию единого и могучего пангерманского государства в какой бы форме оно ни было, республиканской или монархической, лишь бы это государство было достаточно сильно, чтобы возбудить удивление и страх во всех соседних народах... Для коммунистов или социальных демократов Германии крестьянство, всякое крестьянство есть реакция; а государство, всякое государство, даже бисмарковское – революция”⁵.

Разнообразные утопические и религиозные концепции социализма существовали задолго до Маркса и Бисмарка. Они, с одной стороны, утверждали общечеловеческие принципы справедливости (“не убий”, “не укради” и т.д.), формировали идеи социальной защищённости, равенства и братства, провозглашали перспективы построения “земли обетованной”, “городов Солнца” и т.д., а с другой стороны, утверждали необходимость отмены частной собственности, предпринимательства и торговли. Известно, что католическая церковь вплоть до XVIII в. выступала против частной собственности, рассматривая последнюю практически как кражу, а в годы средневековья в Европе прошло немало религиозных бунтов против частной собственности.

Всё это формировало социалистические идеи, марксизм и не могло не оказывать воздействия на российский большевизм. Родоначальникам этих идей и в голову не приходило, что реализация их на практике выльется в рабский труд, равенство в нищете, обязательную

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т.20, с. 321.

² Ф.Хайек. Дорога к рабству, М., Экономика, 1992, с. 127.

³ Там же, с. 147.

⁴ Цит. по: журн. “Встречи с историей”, вып. 3, 1990. М., “Молодая гвардия”, с. 70.

⁵ Там же, с. 85.

принудительную веру, поразительную неэффективность производства, авторитаризм и даже тоталитаризм с претензией на мировое господство с явной агрессивностью.

Чрезвычайно важным оказалось и воздействие на формирование большевизма внутренних конкретных российских источников, значение которых недооценивается и до сих пор. Говоря о внутренних источниках большевизма в России, я имею в виду прежде всего российских народников, хотя многие из них жили за границей. Хочу пояснить: из всех утопических теорий, конечно, марксизм является главным идейным источником большевизма, но нельзя сбрасывать со счетов и внутренний источник, каковым было российское народничество и первое поколение российских марксистов, вышедших из народничества.

Прежде всего следует ещё раз сказать о российских исторических традициях, связанных с централизованным государственным управлением громадной территорией с разнообразной палитрой этнического, социального, экономического и политического разнообразия в региональном аспекте. Речь идёт и о традициях дикого крепостничества, очень напоминающего рабство, об отсутствии Ренессанса и реформаторских движений, характерных ещё для средневековой Европы. О неразвитости и слабости отношений частной собственности и восточном деспотизме (вспомним не только Ивана Грозного, но прежде всего Петра I). Все это формировало особый менталитет коммунальности, общинности, артельности, который в советское время стали называть коллективизмом. Этот менталитет возник естественным путём на почве борьбы за выживание на огромном пространстве огромной страны с суровым климатом при обилии враждующих между собой сил, на почве крепостничества и трудностей, подчас несоизмеримых с теми, что преодолевались людьми на Западе. Кроме того, страна испытала самое негативное влияние не только татарского ига (уберегли от него Запад), но и больших и малых крестьянских бунтов и восстаний.

Огромное влияние на формирование народнического революционного движения в 60-80-х годах прошлого века оказали традиции государственной деспотии и крепостничества. Крестьянская реформа 1861 г. решила далеко не все проблемы и носила половинчатый характер. Она освободила крестьян от крепостного права, но не сделала их подлинными хозяевами своей земли. Они продолжали арендовать земли у своих помещиков. Это и породило особый критический энтузиазм и революционный настрой в широких слоях российской интеллигенции и особенно молодежи. В то же время народники боялись грядущего капитализма в России и верили в её особый некапиталистический путь развития.

А. Марксизм

Для многих сейчас уже совершенно очевидна необходимость перехода от былой идеализации и даже сакрализации марксизма-ленинизма и советского общественного строя к пониманию их несостоятельности в разных, если не во всех аспектах, особенно в их претензиях на практике на гуманность и прогрессивность, а в теории на научность, адекватность объективным закономерностям и на монополию в общественной науке. Ведь еще совсем недавно было принято считать, что все мировое обществоведение делится на две части: научную, марксистскую, и ненаучную, вульгарную, немарксистскую, т.е. буржуазную.

Наша страна, да и ряд других государств, многомиллионные народы заплатили безмерную цену за свою прошлую абсолютную веру в марксизм и его национальные разновидности, за свои розовые надежды на его всесильность. В конечном счёте им пришлось воочию убедиться, что марксизм представляет собой мировоззрение, оторванное от реальных тенденций развития общества, точнее самую большую утопию из всех, какие знало человечество, но утопию, обращённую к обездоленной, люмпенизированной части человечества, которая особенно податлива на политические манипуляции и способно служить слепым орудием в руках корыстных и безответственных политиканов-диктаторов. Как справедливо пишет Я.А.Певзнер, "...марксизм-ленинизм-сталинизм-маоизм – исторически сложившийся второй этап утопического социализма. Его резкое отличие от первого (Мор, Фурье и пр.) состоит в следующем: там были мечта, теория, пожелания, не оказавшие никакого влияния на реальное положение дел, ... здесь же было "дело", охватившее $\frac{1}{3}$ мира, которое свелось прежде всего и главным образом к разрушению старого. А как только перешли к новому, так сразу же выяснилось, что прежние идеи социализма – пустышка, блеф, обман"⁶.

---

⁶ Я.Певзнер. Вторая жизнь. М., 1995, с. 339, 340. Весьма содержательная и глубокая критика экономического учения Маркса и Энгельса содержится в новой книге Я.А.Певзнера "Крах коммунизма и современные общественные отношения". М., Наука, 1999.

Хотя Марксу и Энгельсу принадлежит великая заслуга как одним из основателей социал-демократического движения, известные претензии марксизма на роль “не догмы, а руководства к действию”, оказавшись воплощёнными в жизнь, во многом обнажили отрицательные черты марксизма как учения, его функцию разрушителя немалой части того ценного, что создавалось в истории цивилизации.

Внешнюю глубину и научность марксизма-ленинизма нельзя оторвать от теории революции, от пафоса революционной борьбы, которыми были проникнуты вся жизнь и деятельность Маркса и Энгельса, а затем Ленина. В основе всего этого – революционное нетерпение, болезненные процессы первоначального накопления капитала в условиях раннего, а точнее, дикого капитализма, и знаменитые “три источника”, содержавшие, как известно, массу ошибочных, не подтвердившихся позже положений.

Будучи фанатом революции и классовой борьбы, находясь на позициях классовых предпочтений⁷, Маркс не любил славян, и в частности русских. В статье “Демократический панславизм” он пишет: “Славяне – мы ещё раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков – постоянно служили как раз главным орудием контрреволюции. Угнетаемые дома, они вовне, всюду, куда простиралось славянское влияние, были угнетателями всех революционных наций”⁸. Вождь мирового пролетариата делил таким образом нации на революционные и контрреволюционные, подобно тому, как классы он делил на эксплуататорские и эксплуатируемые.

Но больше всего досталось от него русскому народу. В той же статье он пишет: “...ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределённое демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как в врагам”⁹.

Итак, похоже, что истоки коммунистического терроризма, введенного большевиками в России, прослеживаются уже в этой статье. В другой своей статье, которая называется совсем просто “Русские”, Маркс также высказывает свою негативную оценку этой нации: “Полмиллиона вооруженных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя”¹⁰.

Всё это, по меньшей мере, вздор, но мировой опыт показал вздорность и пресловутого тезиса Маркса о том, что вся прежняя, до победы социализма, история была лишь предысторией человеческого общества. И этот постулат нельзя отрывать от других положений марксизма и марксистского исторического материализма, его экономической и политической теории.

Классики марксизма рассуждали так: общество делится на классы эксплуататоров и эксплуатируемых; рабочие продают свою рабочую силу капиталистам, создают прибавочную стоимость, присваиваемую буржуазией; эксплуатируемые сметаю класс эксплуататоров, грабят награбленное и строят рай на земле; общественное развитие происходит в результате прогресса производительных сил, ведущего к смене формаций. Последней формацией является коммунизм, выше которого ничего нет и быть не может; единственный фактор производства – живой труд, который эксплуатируют; главный порок капитализма в том, что для него целью производства является прибыль, а не благосостояние людей; к рабочему классу относятся главным образом лица, занятые физическим трудом по найму, наниматели же являются эксплуататорами, а все остальные относятся к промежуточным слоям; рабочий класс в силу своего общественного положения естественным образом стремится к социализму; путь к социализму лежит через насильственную революцию; её цель – уничтожение буржуазного государства и частной собственности, создание пролетарского государства, или диктатуры пролетариата с общественной или государственной собственностью вместо частной; необходимое содержание социализма и перехода к коммунизму – уничтожение товарно-денежных отношений, рынка и денег, а содержание социалистической экономики – высокая централизация управления и планирование всех её частей и элементов; господствующее

⁷ Очень хорошо охарактеризовал в этом качестве своего друга Ф.Энгельс: “Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения пролетариата... вот что было в действительности его жизненным призванием” (Соч. Т. 19, с. 351-352).

⁸ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 6, с. 299.

⁹ Там же, с. 306.

¹⁰ Там же, с. 470.

положение в обществе должна занимать коммунистическая партия, а все остальные партии должны быть либо уничтожены, либо не иметь права на существование.

Марксов анализ состоит из десятка банальностей, именуемых категориями типа базис и надстройка, формация, антагонистические и неантагонистические противоречия, первичность материального производства и т.д. Главный же вопрос, вопрос о глубинном содержании исторического процесса в прошлом, настоящем и будущем, был представлен в марксизме, скажем прямо, извращённо.

История общества фактически представляет собой историю долгого становления цивилизации, главной чертой которой стала не борьба классов, а формирование некой гармонии, объединения людей на почве создания материальных и духовных ценностей. Это было и остается процессом консолидации, сложной, противоречивой, нередко мучительной, поскольку она сопровождается борьбой этносов, наций и стран, социальных страт и нравов, а главное, всегда была (и не может не быть) объединением людей, совершенно разных по характеру своего труда, по их вкладу в производство, но неизменно (даже если вклад равен нулю или минусовой величине) претендующих на максимальную “получку”. Это относится ко всем классам, профессиям и социальным прослойкам, включая и рабочий класс.*

Возникновение же марксизма обусловлено теми же факторами, что и рождение других направлений утопического социализма. А его быстрое распространение было связано с тем, что на первоначальных ступенях – с XVIII и до первой половины XX веков – уровень социально-экономического развития, анархия и стихийность производства были таковы, что открывали перед владельцами средств производства возможности беспощадной эксплуатации на протяжении 12-14 часового рабочего дня без дней отдыха, использования труда детей и сопровождались периодическими кризисами перепроизводства, массовой и хронической безработицей, удержанием заработной платы ниже прожиточного минимума.

Как известно, в течение длительного времени бедственное положение широких слоёв населения сочеталось с почти непрерывными войнами. Согласно Марксу и особенно Ленину такие факторы политики, как противостояние государства демократическим силам с использованием методов террора, региональные и мировые войны, захваты колоний, прямо вытекали из коренных особенностей капитализма, его частнособственнической природы. Между тем дело обстояло по-другому. Основным средством борьбы буржуазии за прибыли была и остается конкуренция, а во внешней агрессии инициативная роль принадлежала наследию феодализма в лице монархического дворянства, военщины и разных видов тоталитаризма. Реальное соотношение сил, формы и методы борьбы в разные периоды и в разных странах складывались неодинаково, но генеральная линия общественного прогресса заключается в том, что при всех зигзагах верх берёт в конечном счёте либерально-демократическое направление, — и это выразилось, например, в таких свершениях исторической важности, как ликвидация многовековой (со времен Древнего Рима и до 50-х годов XX в.) колониальной системы и неотразимые удары по всем разновидностям тоталитаризма.

История общества – это история борьбы между демократией и диктатурой, между угнетением и свободой. Это – борьба между свободой предпринимательства и административным управлением экономикой и обществом, между централизованным планированием и рынком, правом на частную собственность и её запрещением. При этом в условиях товарного хозяйства и политической демократии решающую роль в общественной жизни играют не эксплуатация, не антагонизм классов, а взаимодействие работодателя и наёмного работника, капитала и труда, свободы и дисциплины, эффективное функционирование модели саморазвития, основанной на механизме рынка и конкуренции. С ликвидацией феодализма враждебное противостояние одних сил с другими, хотя и не исчезает, но отступает под натиском мирных, конструктивных форм состязания, а его главной ареной и главным механизмом является регулируемый демократическими силами рынок.

Самое важное в научном подходе к истории заключается в том, что марксистское деление на классы – это в сегментации общества не только не единственное, но и не главное. Не главным является и деление общества по религиозному, этническому признакам, по уровню доходов и т.д. Главное же в общественных отношениях – это деление на творческих и нетворческих, любящих добро и добру враждебных, работающих и ленивых, здоровых и

---

* Более подробно см.: Я.Певзнер. Крах коммунизма и современные общественные отношения; В.Кудров, Н.Шмелев. Размышления о прошлом с заботой о будущем // “Общество и экономика”, №11-12, 1997, с.172-183.

больных, порядочных и бесчестных, умельцев и неумёх, надёжных и не очень. На этой почве образуются социальные группировки, партии и общественные организации.

По мере развития капитализма постепенно огромную роль стали играть такие факторы, как укрепляющиеся демократизм и парламентаризм, а также социальные факторы, факторы эффективности производства, личного потребления населения, от которого Маркс абстрагировался в своём анализе, возростала роль экономической науки. Расширялся и укреплял свои позиции в обществе средний класс, образовавшийся на базе значительного повышения среднего уровня жизни, а с середины XX в. и на базе сокращения дифференциации в распределении доходов. Всё большая часть людей стала понимать, что “теория” классов, якобы прогрессивных и реакционных, главных и неглавных, это социальный расизм, который истинная наука не признаёт.

Таким образом, теория классов и классовой борьбы в марксизме – это примитивная и бессодержательная позиция. Собственники и неимущие были всегда и всегда сосуществовали и договаривались между собой. И совсем необязательно, что если неимущие приходят к власти, то хозяйство и государственное устройство страны начинают работать лучше, чем прежде. Всегда и везде существуют руководители и исполнители. И хороший эффективный руководитель – это, прежде всего, профессионал, авторитетная личность. Кстати, рабочий класс, по определению, – это класс не руководителей, а исполнителей.

Следующий вопрос марксистской экономической теории, который не подтвердился жизнью, – это вопрос об измерении труда. Объективный процесс развития рынка, товарно-денежных отношений, против чего так неистово выступал марксизм, развитие цивилизации вывели человечество на дорогу к нормальной, обеспеченной и защищённой законом жизни. А разница в оплате труда зависит не только от затрат труда, но и от полезности создаваемого продукта, соотношения между спросом и предложением на него. Именно поэтому доходы популярных артистических звёзд, композиторов, писателей, художников и т.д. порой намного превышают прибыли капиталистов. И российские большевики-ленинцы, советские чекисты, матросы и красногвардейцы просто не могли понять, что Шаляпин, Рахманинов, Бунин и другие гении русской культуры попросту уникальны и невозпроизводимы и поэтому заработанные ими миллионы, недвижимость и т.д. они имели не по закону эксплуатации, а по закону рынка, спроса и предложения, т.е. вполне заслуженно. И распространив на них практику пайкового распределения, мы лишились их навсегда.

В процессе строительства после октябрьского переворота 1917 г. реального социализма мы создали антидемократическое общество с монополией одной партии, абсолютной властью одного человека, а большинство населения, именно тех, “кто был ничем”, не только оставили с “ничем”, но и поставили в ещё худшее положение. Прежние мелкие собственники (крестьяне, кустари, лавочники и пр.) не только потеряли свою собственность – гарантию честного и свободного труда, но и даже те ограниченные права участия в забастовках, митингах, чтения газет разных направлений и др., которые они имели до революции. Они потеряли право на свободу вероисповедания, на свободу передвижения и т.д. Получили же они право на подневольный, принудительный и малопродуктивный труд. Получили право на образование, которое оказалось в рамках тоталитарного режима и было в значительной мере идеологизировано. Получили право на бесплатное лечение, которое, как правило, было плохим.

Но главная цель и смысл октябрьского переворота оказались в другом. Незначительная часть общества, его ничтожное меньшинство, получила необъятную власть и “стала всем”. Монополия одной партии по существу привела к формированию в стране эксплуататорского класса особого рода, гнёт которого оказался намного сильнее того гнёта, который большевики приписывали буржуазии в капиталистических странах.

Здесь можно провести прямую параллель с фашизмом, возникшим сначала в Италии в начале 20-х годов, затем в Германии в начале 30-х годов. Фашисты также отбирали элитный общественный слой, из которого формировалась монополярная партия, они также противопоставляли друг другу разные слои общества и на самый верх последнего посадили своего вождя, или фюрера, располагавшего безграничной властью. Ни о какой народности или демократичности такого общества речь идти не может. Однако в отличие от большевиков фашисты не уничтожали свой собственный народ, не ликвидировали полностью частную собственность, рынок и предпринимательство. Но в главном у них было много общего: люмпенизированная социальная база, поддержка рабочего класса и железная диктатура. Недаром в Италии и Германии фашисты и коммунисты имели практически один и тот же

электорат и конкурировали за него между собой. Прав был Генрих Бёлль, сказав, что “фашизм – это коммунизм бедных”¹¹.

Необходимо понять и бессмысленность самого понятия “коммунизм” как конечной цели, т.е. прекращения развития общества на том его уровне, когда воплощается в жизнь лозунг “каждому – по потребностям”. Истинная общественная наука выдвигает на первое место не достигнутый уровень развития, а стимулы и возможности его продолжения. С этой точки зрения коммунизм – по сути античеловеческая теория, ибо декларируемый ею будущий строй означает предел социально-экономического развития. Точно также известная формула социализма – “от каждого по способностям, каждому – по труду” заключает в себе ставшую роковой пустоту и неясность: что значит “по труду”? По часам труда или по его результатам? Если по часам, то это и есть та самая “мелкобуржуазная уравниловка”, которая на словах осуждалась большевизмом, а на деле понижала всю общественную жизнь в СССР и сочеталась с огромными привилегиями номенклатуры, с неравенством, вытекавшим из её интересов. Если же по результатам, — а только это и можно рассматривать как принцип, — то где та мера, при помощи которой результаты можно определить? Где тот эталон, при помощи которого категория “общественно-необходимый труд”, занимающая в экономической теории Маркса одно из центральных мест, может быть наполнена реальным содержанием и перестать быть мифом? Практическая проверка марксистской идеи о труде, как о мере ценности произведенных благ при социализме, в ранние советские годы доказала её полную нерациональность и неприемлемость. Как писал известный российский экономист Б.Бруцкус, в годы военного коммунизма “только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов, эти предприятия, не питавшиеся государством из общего котла, давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании”¹².

Тем не менее и Маркс, и Энгельс задавались вопросом об измерении общественного труда. Так, в письме к Марксу Энгельс писал в 1882 г.: “...Совершенно невозможно выразить экономические отношения в физических мерах”¹³.

Знаменательно это суждение хотя бы потому, что письмо было написано незадолго до смерти Маркса, т.е. тогда, когда Энгельс уже создал свои основные произведения. Ведь к физическим мерам относится и время, а в таком случае, как же всё-таки найти необходимый измеритель? Отсутствие в марксизме ответа на этот кардинальный вопрос обуславливает невозможность анализа механизма функционирования капиталистической рыночной экономики на марксистской основе. И, естественно, нельзя анализировать классовые отношения в отрыве от того, как функционирует экономика.

В самом деле, сосредоточившись преимущественно на таких категориях, как прибавочная стоимость и прибыль, Маркс увидел их эксплуататорский характер в самом их производстве на основе частной собственности и совершенно абстрагировался (по крайней мере в своих основных теоретических положениях) от не менее, а скорее более важной проблемы – куда и как направляется прибыль, как поднимать эффективность её использования, *не уничтожая её самое?*

Ещё при жизни Маркса и особенно после него мировая экономическая наука дала на вопрос об эталоне измерения труда подлинно научный ответ. Его суть в том, что затраты и результаты труда сопоставляются и взаимодействуют в такой бесконечномерности, которая не может даже частично преодолеваться иначе, как с помощью рынка. Известные науке математические выкладки неопровержимо доказывают, что для решения соответствующих уравнений, не поддающихся счёту, не было и не может быть иного механизма, кроме рынка, рыночного ценообразования. Непонимание этой истины или полная отрешённость от данной объективной истины не только определили утопичность марксизма, но и привели в сочетании с огромной разрушительной энергией его последователей к тем катастрофам, которые легли больше всего на плечи советского народа.

Действительно, по смыслу марксистской теории социализм – это такое общественное устройство, которое ликвидирует не только частную собственность, но и конкурентный рынок и рыночное ценообразование, заменяя их государственной собственностью, прямым государственным администрированием в сферах производства и распределения благ и услуг.

¹¹ См.: “Московские новости” № 47, 1998, с. 7.

¹² См. Н.Рогалина. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. М., 1998, с. 151.

¹³ К. Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 35, с. 110.

При этом в качестве альтернативы рынку и конкуренции выступают план и соцсоревнование. С ликвидацией рынка в СССР был полностью отрезан путь для измерения результатов труда самими людьми – потребителями и производителями. И это был громадный регресс по отношению к товарному производству, полное нарушение принципа оплаты по результатам труда. В итоге было создано общество хронического дефицита и абсолютного всевластия номенклатуры. Для десятков миллионов советских людей главным делом жизни стала добыча дефицитных товаров, а для правящей номенклатуры “социалистический строй” был средством достижения своего всевластия, неограниченной возможности командовать и определять судьбы людей.

Отказ марксизма от товарного производства и рынка при социализме обосновывался теорией обобществления производства. Эта же “теория”, в свою очередь, базировалась на идее концентрации и централизации производства, преувеличении роли крупного производства, крупных форм его организации и недооценке мелкого и среднего производства.

Однако за долгий период времени наука и история доказали, что подлинный прогресс состоит не в уничтожении рынка, а в его постепенном и непрерывном совершенствовании. Рынок выступает в роли активного двигателя социально-экономического прогресса, развития демократии и демократических институтов. При этом преодоление дефектов рынка осуществляется с помощью нерыночных средств (прежде всего государства), формируемых на демократической основе, но при безоговорочном признании хозяйственной необходимости самого рынка, а также того, что он представляет собой необходимую базу для демократии.

Печальная судьба была predeterminedена и марксовской теории трудовой стоимости, согласно которой цена товаров определяется количеством затраченного в производстве времени без учёта соотношения между спросом и предложением и полезности произведённых благ. Не случайно поэтому развитие мировой экономической науки совершалось в обход марксизма, который остался на обочине прогресса мировой общественной мысли. А настоящим переломом, открывшим путь к прогрессу экономической науки, было появление ещё за 20 лет до смерти Маркса теории предельной полезности К. Менгера. Эта теория во многом опровергала его взгляды и, по свидетельству современников, произвела на него столь сильное впечатление, что он практически прекратил работу над “Капиталом”. И экономическая теория стала истинно научной лишь постольку, поскольку способствовала развитию товарно-денежных отношений. И в этом плане она была обращена против Маркса и особенно против советского, ленинско-сталинского марксизма.

Не менее тяжёлой ошибкой является трактовка классиками марксизма мелкого крестьянского хозяйства, как неэффективного, во-первых, и как базы для постоянного зарождения новых эксплуататоров, во-вторых. Критикуя Прудона, Энгельс писал, что “крупное землевладение представит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т.п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации”¹⁴.

Именно на базе такого рода высказываний Маркса или Энгельса в СССР было ликвидировано индивидуальное трудовое крестьянство и искусственно организованы колхозы и совхозы – аграрные фабрики социализма, убедительно доказавшие на деле свою экономическую неэффективность, неспособность прокормить народ собственной страны.

Советское нерыночное хозяйство как не ориентированное на потребителя, с самого начала было обречено. Что же мешало его ликвидации, переходу нашей экономики на давно обнаруживший своё превосходство механизм регулируемого рынка? Такое положение дел правомерно связывается прежде всего и главным образом с самодержавием партийно-государственного аппарата. Нарастали *одновременно* дефицит и инфляция, причём советская инфляция носила непрерывный характер, ибо сбалансированность масс товаров и денег никогда не обеспечивалась. Всегда спрос превышал предложение товаров и услуг, и дефицит последних лишь нарастал. А героический труд на производстве стал скорее исключением, чем правилом. В условиях уравниловки многие “советские люди” предпочитали халтурный труд при низкой оплате напряжённому и продуктивному труду при высокой оплате. Фактически в СССР было создано общество, в своей значительной части люмпенизированное, с очень большим удельным весом людей неумелых и нерадивых, что находит отклик в ошибках и трудностях экономических реформ в наши дни. Причём люмпенизированные слои и не желали перемен к лучшему, в частности перехода к рыночной цивилизации, опасаясь её, и потому оставались приверженцами “социалистического выбора”. Другой же части населения, наоборот, хотелось

---

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18, с. 281.

бы прогрессивных перемен, она могла и хотела работать продуктивно и в полную силу, но оставалась бессильной перед властью. Практически была потеряна мера труда, а следовательно, и мера человека.

В поисках исходных моментов, определивших характер Октябрьской революции, движущих сил и путей последующего общественно-экономического развития нашей страны следует решительно выступать против оценки пролетариата как такого особого класса, на который история возложила задачи свержения господства буржуазии, “экспроприации экспроприаторов” и создания своей диктатуры как системы, которая открывала бы дорогу к полной ликвидации государства, неправомерно рассматриваемого марксизмом как исторически преходящий институт классового господства. Послеоктябрьский опыт России наглядно раскрывает многоплановую фальшь этой концепции.

Во-первых, ни из чего не следует, что октябрьский переворот был поддержан большинством рабочего класса, а тем более его передовыми слоями, т.е. квалифицированной частью. Клеймение Энгельсом, а затем Лениным тех слоёв пролетариата, которые не поддерживали крайне левые организации, как “рабочей аристократии”, вызывает недоумение и неприятие. Во-вторых, по Марксу, диктатура пролетариата должна быть обращена против буржуазии, т.е. собственников, эксплуатирующих людей наёмного труда, а отнюдь не против большинства населения. Между тем даже в 1917-1918 гг. руководство РСДРП (большевиков), получив на выборах в Учредительное собрание в момент своей наивысшей популярности лишь меньшинство голосов, не только разогнало его, но и начало затем последовательно уничтожать те социальные слои, которые ничего общего с буржуазией не имели (прежде всего крестьянство). Компенсировать же быстрое падение своего влияния большевики не могли иначе, как при помощи красного “террора”.

В качестве примера можно сослаться на уничтожение партии левых эсеров – братьев по классу, с которыми большевики делили власть в первое время после октябрьского переворота до 6-7 июля 1918 г. С левыми эсерами, которые ещё в начале этого года имели 30% голосов на V съезде Советов, было покончено¹⁵.

Итак, после октябрьского переворота подавляющее большинство населения нашей страны, а именно “те, кто был ничем”, не только остались с “ничем”, но и оказались поставленными в ещё худшее положение. Не говоря уж о политической несвободе, массы трудящихся потеряли право собственности как средство честного, не связанного с эксплуатацией, труда, — имеется в виду труд крестьян, лавочников, кустарей и т.д. Были резко ограничены права на свободу вероисповедания, передвижения и т.д. “Право на труд” обернулось правом на труд подневольный, принудительный, малопродуктивный. А право на образование утвердилось в обществе не только у нас, но и в других странах Европы и в Америке, причем у нас образование, как и производство и вся общественная жизнь, было в очень большой мере идеологизировано, заключено в тиски тоталитарного режима. В СССР была создана возможность бесплатного, хотя часто и скверного, лечения, но это, как свидетельствует практика многих стран, не является исключительно советским достижением.

В то же время лишь каких-нибудь 5-7% общества стало “всем” и получило “необъятную власть”. Их лидером, их воплощением был Сталин. Он же остаётся их идеалом и в наши дни. Этот правящий класс породил всевластие приспособленцев, лгунов, карьеристов. В качестве “руководящей и направляющей силы” во всей политической, экономической и духовной жизни общества, в партийном и государственном строительстве утвердилась большевистская, коммунистическая партия, как единственная; едва ли не беспрецедентные, господствующие позиции заняла вездесущая тайная полиция, а печать стала послушной этим силам.

Всё, что с нами произошло после Октября 1917 г., чётко прописано у классиков марксизма, особенно касательно диктатуры пролетариата и гражданской войны. Маркс писал, что нужно сменить оружие критики на критику оружием¹⁶, и призывал к революционному террору, чтобы “сократить, упростить и концентрировать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества”. Здесь “только одно средство – революционный терроризм”¹⁷. Маркс призывал не бояться гражданской войны¹⁸ и смело штурмовать несправедливый, отживший своё эксплуататорский капиталистический строй и наворованную буржуазией частную собственность. При этом всячески осуждались такие “буржуазные” феномены, как парламентаризм, демократия, система защиты прав и свобод

¹⁵ См. Г. Попов. Как большевики победили советскую власть. “Известия”, 8 июля 1998 г.

¹⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, с. 422.

¹⁷ Там же. Т. 5, с. 494.

¹⁸ Там же. Т. 33, с. 172.

граждан, что со временем породило и феномен правового государства, от которого старательно откращивались КПСС и все советские руководители, исключая М.Горбачёва. Более того, Ленин выдвинул принцип: нравственно всё то, что служит интересам революции и построения коммунизма. От этого безнравственного принципа не отходил затем ни один правитель СССР.

А что такое пролетарская революция? По этому поводу Энгельс писал следующее: “Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств, чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать своё господство посредством того страха, который внушает реакционерам её оружие”¹⁹.

Так что мы получили всё то, что и было прописано классиками марксизма. Однако большевики пошли намного дальше. Они, например, объявили о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, причём не высокого, а скорее среднего или даже низкого уровня экономического развития, например, в России. И взялись на практике осуществить это дело. Впоследствии было объявлено, что социализм можно построить и в стране, не знавшей капитализма и практически не имеющей пролетариата, а именно в Монголии.

Такова “теория”. Но этого мало. Ленин, Троцкий и другие большевики были убеждёнными сторонниками жёсткой трудовой повинности, трудовых армий. Всем памятен нелепый принцип: “Кто не работает, тот не ест”. И старики, и дети, следовательно. Трудящийся не имеет права выбора, его принуждают, назначают туда, куда нужно начальству, а его мнение немногого стоит. И диктатура пролетариата жёстко расправлялась с непослушными. “В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, — писал Ленин, — дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал над ними, как за вредными людьми. В четвёртом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств”²⁰. И вот, человек, который в одно время писал, что государство при коммунизме отомрёт, что при коммунизме будет достигнуто “царство свободы”, тут же однозначно подчеркивает: “Нам нужно государство, нам нужно принуждение”²¹. Так и произошло.

То, что мы получили в конце концов — сталинизм, брежневизм, неудавшуюся перестройку и неудавшуюся до сих пор трансформацию к рынку и демократии — всё это страшная и роковая цена за слепую приверженность марксистской утопии.

Абсолютно прав наш российский философ А.Ципко, который пишет: “... Наша многолетняя борьба с психологией собственника, за психологию несобственника, была величайшей глупостью, коль скоро уничтожение частной собственности, по сути, обернулось не только разрушением основ экономики, но и основ самой общественной жизни”²². Эта глупость порождена марксизмом, его теорией, а марксизм — это реальный и, пожалуй, самый важный источник российского большевизма.

Нельзя не сказать о том, что Маркс отличался неуважением, высокомерием и даже грубостью по отношению не только к своим политическим оппонентам, но и настоящим учёным. Многих крупных экономистов, ставших со временем классиками, он называл “вульгарными экономистами”. Резко и грубо критиковал Маркс русского народника и анархиста, интересного мыслителя М.И.Бакунина. Более того, по его инициативе Бакунин был исключён из I Интернационала на Гаагском конгрессе в 1872 г. Событие это стало одной из серьёзных причин раскола в Международном товариществе рабочих. В своей книге “Государственность и анархизм” М. Бакунин написал о Марксе следующее: “Г. Маркс играл и играет слишком важную роль в социалистическом движении немецкого пролетариата, чтобы можно было обойти эту замечательную личность, не постаравшись изобразить её в нескольких верных чертах.

По происхождению г. Маркс — еврей. Он соединяет в себе, можно сказать, все качества и все недостатки этой способной породы. Нервный, как говорят иные, до трусости, он чрезвычайно честолюбив и тщеславен, сварлив, нетерпим и абсолютно, как Иегова, господь Бог его предков и, как он, мстителен до безумия. Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность

¹⁹ Там же. Т. 18, с. 305.

²⁰ В.И.Ленин. ПСС. Т. 35, с. 204.

²¹ Там же, с. 163.

²² А.Ципко. Хороши ли наши принципы? См.: “Новый мир”, № 4, 1990, с. 204.

или, что всё равно, его ненависть. И нет такой гнусной интриги, перед которой он остановился бы, если только, по его мнению, впрочем большею частью ошибочному, эта интрига может служить к усилению его положения, его влияния или к распространению его силы. В этом отношении он совершенно политический человек... Редко можно найти человека, который бы так много знал и читал и читал так умно, как г. Маркс. Исключительным предметом его занятий была уже в это время наука экономическая. С особым тщанием изучал он английских экономистов, превосходящих всех других и положительностью познаний, и практическим складом ума, воспитанного на английских экономических фактах, и строгою критикою, и добросовестною смелостью выводов... Но что замечательнее всего и в чём разумеется г. Маркс никогда не признавался, это то, что в отношении политическом г. Маркс прямой ученик Луи Блана ... Впрочем эта странность объясняется просто: риторик француз, как буржуазный политик и как отъявленный поклонник Робеспьера, и учёный немец, в своем тройном качестве гегельянца, еврея и немца, оба отчаянные государственники и оба проповедают государственный коммунизм, с той только разницею, что один вместо аргументов довольствуется риторическими декламациями, а другой, как приличествует учёному и тяжеловесному немцу, обстанавливает этот, равно им любезный принцип, всеми ухищрениями гегелевской диалектики и всем богатством своих многосторонних познаний²³. И ещё: “По воспитанию и по натуре он (К.Маркс – В.К.) якобинец и его любимая мечта – политическая диктатура”²⁴. Нетрудно вспомнить, что дела последователей Маркса полностью подтвердили эти оценки.

М.Бакунин указывает и на противоречие в марксистской теории о диктатуре пролетариата и освобождении рабочих. При диктатуре меньшинства страдания у большинства не убавятся, считает он. Более того, все разговоры марксистов о народном государстве представляют собой “ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства”²⁵. Совсем неплохое предвидение.

Тем не менее в целом Маркса и Энгельса можно считать трагическими фигурами. При их жизни их идеи пролетарской революции и строительства коммунистического общества нигде не подтвердились на практике. После их смерти они прочно воплотились в жизнь только в России, затем через 30 и более лет в ряде других стран, но к концу XX в. эти страны, за исключением КНР, КНДР и Кубы, также отказались от идеалов коммунизма. Коммунистические партии в большинстве постсоциалистических стран либо переродились в социал-демократические западного образца, либо перешли в оппозицию с надеждой вновь завоевать государственную власть. Но эти надежды вряд ли будут реализованы на практике, ибо большинство населения этих стран отдаёт себе отчёт во всех бедах, которые оно пережило, когда коммунисты были у власти.

Итак, марксистское экономическое учение – чисто умозрительное, утопическое учение, восходящее своими корнями к таким утопистам, как Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Кампанелла. Главная сторона этого учения – не создание, а разрушение. Такие практики, как Ленин, Троцкий и Сталин, воплощавшие это учение в жизнь в нашей стране, не создали адекватной альтернативы рыночной экономике, не сформировали хозяйство, основанное на активной внутренней мотивации к прогрессу, даже к переменам вообще. А ведь разные хозяйственные системы, разные общества отличаются между собой прежде всего механизмами мотивации к труду. Эти механизмы формируются на базе собственности, характера общественного устройства и принятого законодательства, поддерживаемого всем обществом.

Таким образом, приходится констатировать, что марксизм не создал ни в теории, ни на практике надёжную новую хозяйственную систему, способную выдержать соревнование с рыночной системой, предпринимательством и демократией.

Б. Народничество

Внутренняя социально-экономическая и политическая ситуация в России после реформы 1861 г. послужила той питательной средой, в которой сформировались конкретные революционные течения. Идейная база этих течений создавалась на почве работ Герцена и Чернышевского, Бакунина и Нечаева, Лаврова и Ткачёва, а также Плеханова²⁶.

²³ Цит. по: журн. “Встречи с историей”. Вып. 3, 1990. М., “Молодая гвардия”, с. 80, 81.

²⁴ Там же, с. 90.

²⁵ Там же, с. 87.

²⁶ Глубокий анализ этих идейных течений дан в книге T.Szamuely. The Russian Tradition. McGrawhill, 1974.

Но если быть более точным, то российская общественная мысль впервые “заболела” социализмом намного раньше, а именно: после выступления декабристов в 1825 г. Именно они “разбудили” (выражение Ленина) не только Герцена, но и значительную часть дворянской и разночинной интеллигенции, весьма обострённо воспринимавшей социальные проблемы и болезни своей страны. У российской интеллигенции образовался своего рода комплекс вины перед своим народом, который породил не только просветительский, но и революционный российский социализм, напрямую связанный с террором.

К счастью, другая часть российской интеллигенции разглядела в этом революционном романтизме и фанатизме “во благо народа” проявление неразумной “бесовщины” и встала на путь серьезных научных размышлений о природе российского общества и нормальных перспектив его развития в процессе социально-экономических реформ, становления демократии и гражданского общества, как это объективно происходило на Западе. Но перевес, пожалуй, был на стороне первых.

А.Герцен, вышедший из кружков московских социалистов в молодости, находясь в России, был западником, а уехав за границу и не приняв Запада, стал славянофилом, известен как идеолог “крестьянского социализма”, как один из основоположников народничества. Он считал российской действительности того времени наилучшим образом подготовленной для социального возрождения страны. В газете “Колокол” он резко обличал самодержавие и крепостничество, требовал освобождения крестьян с наделением их землей и верил в самобытность России, в её светлое будущее, особую судьбу на базе развития крестьянской общины. Герцен считал, что благодаря общинным традициям именно России легче перейти к социализму на основе общественной собственности, чем эгоистическому и частнособственническому Западу. В то же время, в отличие от многих своих последователей-народников, он выступал против революционного террора, диктатуры и централизованной власти и стоял за демократию и свободу личности.

Н.Чернышевский, так же как и Герцен, видел в крестьянской общине особый путь России, путь к социализму, который является магистральным путем для всего человечества, но при этом ратовал за нового человека и его свободу. В то же время он выступал за создание революционной элиты, тайных групп революционеров-профессионалов типа супермена Рахметова, аскетов, готовых на самопожертвование, подчиняющихся строгой дисциплине и не чурющихся террора во имя достижения всеобщего равенства.

Этот тип российского якобинца нам хорошо понятен, ибо детально описан и в художественной литературе. Чернышевский верил в социалистические идеалы-утопии будущего справедливого общества, в объективную обусловленность социализма в России и стал, как и Герцен, идейным вдохновителем революционного движения в России в 60-80-х годах XIX в., т.е. народничества.

Под прямым влиянием Чернышевского в 1866 г. в Московском университете был создан строго законспирированный кружок “бессмертных”, точнее суперменов-смертников (организация называлась “Ад”), девизом которого стал тезис: “цель оправдывает средства”. Цель – социальный переворот, средства- террор, царевубийства и пр.

М.Бакунин также был одним из идеологов народничества. Но одновременно яростно пропагандировал анархизм, бунтарские методы революционной борьбы, выступал за ликвидацию государства. Был постоянным оппонентом Маркса и его теории диктатуры пролетариата и централизма будущего общества. “Кто с нами, славянами, — писал Бакунин, — тот на верной дороге. Наша натура проста и велика, нам не подходит расслабленное и разжиженное, чем пичкает мир одряхлевшая, старая Европа. Мы обладаем внутренней полнотой и призваны перелить её, как свежие весенние соки, в жилы окоченелой европейской жизни”²⁷. В 1864-1865 гг. он организовал международное тайное революционное общество “Интернациональ-ное братство”, в 1868 г. – “Альянс социалистической демократии”.

Главным делом жизни Бакунина были мобилизация всех возможных революционных сил, противостоящих европейской реакции, формирование федерально-безгосударственной организации общества. Он полагал, что основой человеческого бытия должна стать автономная коммуна, а экономическое и политическое устройство общества нужно базировать на принципах свободной ассоциации и федерации. Государственную организацию общества он считал противоречащей законам природы и верил в “боевой, бунтовский” путь русского народа.

Не следует забывать и о “нигилистическом” культурном бунте, выразившемся в создании целой критической литературы в лице В.Белинского, Д.Писарева и др., направленной против самодержавия и существовавших в то время общественных порядков и призывавшей к

---

²⁷ Цит. по: А.Агурский. Идеология национал-большевизма. Paris, Imca-Press, 1980, с. 131.

яростной борьбе. Образ “нигилиста”, столь удачно нарисованный И.Тургеневым, стал формировать сначала образ народника, а потом эсера и большевика-террориста, ненавидевшего современное ему общество и окружающие его нормы и порядки.

С.Нечаев вступил на революционный путь на волне, вызванной убийством царя Александра II и последовавшим за ним террором. Еще при жизни стал легендой, многие его сторонники находились под гипнозом его личности, убежденности и демонизма. Он породил понятие “нечаевщины” – особого пути революционного движения в России, связанного с разгулом “российского якобинства”, доведенного до фанатизма, когда цель оправдывает любые средства во имя свержения царизма – оплота тирании. Сам Нечаев воплощал в себе черты полного самоотречения и самопожертвования в интересах “дела”. Нечаева многие обвиняли в бланкизме, т.е. кружковщине, сектантстве и заговорществе. Нечаев – организатор тайного общества “Народная расправа”, в 1869 г. убил по подозрению в предательстве студента И.Иванова и бежал за границу. Ф.Достоевский в “Бесах” изобразил этот эпизод и нарисовал образ экстремиста Шигалева, шатающегося от безграничной свободы к безграничному деспотизму. Достоевский однозначно выразил своё резко отрицательное отношение к “шигаливщине”, бунтарям-революционерам, попирающим правовые и нравственные нормы “поганого общества”. Он считал, что общество вполне вправе этому противостоять и решать свои проблемы иным путём.

Соратники Нечаева составили свод правил и программу революционных действий, получивших название “нечаевского катехизиса”. Уже тогда были провозглашены преступные тезисы о том, что нравственно все то, что способствует торжеству революции, и безнравственно всё то, что этому мешает, или совсем уж недавно: “кто не с нами, тот против нас”. В “катехизисе” говорилось, что “он (революционер – В.К.) не признаёт общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех её проявлениях и побуждениях нынешнюю общественную нравственность... он не революционер, если ему чего-либо жаль в этом мире”²⁸. Считалось, что революционер находится вне общества, “работает” на его уничтожение и имеет полное право на насилие. Многие видели в Нечаеве будущие черты Л.Троцкого.

Несколько в стороне от Нечаева выступал П.Лавров, делавший акцент не на профессионалов и революционеров-суперменов, а на хождение в народ, на подготовку революции путём разъяснительной работы с народом. Эффект оказался громадным: начиная с весны 1874 г. тысячи молодых юношей и девушек пошли в народ, разъясняя ему суть тирании, его прав и свобод, а также идеи утопического социализма. Это был особый тип миссионерства, которое натолкнулось не только на пассивность и безграмотность широких народных масс, но и на сопротивление властей, сопровождавшееся массой арестов и судебных процессов. Последние, в свою очередь, вызвали встречную волну террора со стороны революционеров, мстивших за своих товарищей. Лавров стал любимцем молодежи, в отличие от Герцена и Чернышевского, он не делал ставку на крестьянскую общину и призывал сам народ осуществить необходимые преобразования. В этом он находил поддержку у Герцена и Бакунина, с которыми тесно сотрудничал, находясь в эмиграции.

В то же время в России все более становилось ясным, что для настоящей революции требуется организация. Сам Лавров говорил о необходимости создания политической народной партии.

П.Ткачёв, учитывая опыт Лаврова, стал духовным наследником Нечаева и других народников, связующим звеном между Чернышевским и Лениным и, как считает Т.Самуэли, прямым предшественником и вдохновителем В.Ленина. Это был мощный и оригинальный мыслитель, создавший своего рода смесь между якобинством, народничеством и марксизмом. Ткачёв стал одной из центральных фигур революционных брожений в России 70-80 годов прошлого века.

Как и Чернышевский, он верил в крестьянскую общину, в особый некапиталистический путь для России, но не разделял взглядов Лаврова, считая, что они лишь замедляют революционный процесс в России. Лавров же обвинял Ткачёва в “нечаявщине”.

Опираясь на Маркса и Нечаева, Ткачёв создал свою теорию революции применительно к России. Она включала в себя следующие три пункта:

1. Любая революция совершается не большинством, а меньшинством народа (именно меньшинство быстрее и лучше осознаёт потребности всего народа).

2. Чем скорее идёт процесс борьбы, тем лучше для революции. Он считал, что Россия развивается по тем же законам, что и Европа, где уже давно нет революционной ситуации. Община разваливается, крестьянство расслаивается, промышленность бурно развивается, и

---

²⁸ Цит. по: “Общественные науки и современность” № 7, 1998, с. 183.

революция должна свершиться в ближайшие 10-20 лет, пока капитализм окончательно не обосновался в России, ибо рабочему классу легче иметь дело с политической силой царизма, чем с силой крупного капитала.

3. Необходимо создать революционную партию, за границей она должна иметь свой журнал в эмиграции, который будет помогать партии и революционному процессу. Партия же должна быть конспиративной, хорошо организованной. Именно в незрелой России такой партии легче убедить народ в преимуществах коллективной собственности.

В отличие от своих предшественников, Ткачёв пришёл к выводу о необходимости захвата власти революционерами с целью осуществления своих общественных идеалов с помощью этой власти, т.е. “по приказанию начальства”, как потом скажет Г.В.Плеханов.

Через 30 лет Ленин в работе “Что делать?” будет развивать подобные же мысли и программные положения. Готовя со своими соратниками большевистский переворот в России, он во многом отошёл от теории революции К.Маркса и опирался на российские революционные традиции. Как уже упоминалось, Маркс никогда не говорил о социалистической революции в какой-либо одной, тем более недостаточно развитой стране. Наоборот, он говорил о революции в нескольких развитых странах одновременно.

Вообще в развитии народничества в России можно отметить два этапа: 1) 60-80 гг. прошлого века, когда развивалось революционное народничество, требовавшее радикальных действий; 2) со второй половины 80-х гг. до конца века, когда в народническом движении стали преобладать не революционные, а либеральные течения.

Российское народничество вобрало в себя ярких и талантливых представителей русской интеллигенции, которые отражали всё растущее недовольство в народе самодержавием и сложившимися общественными порядками. Но, к счастью, как ни звали народники Русь к топору, никакой революции на протяжении всего XIX в. у нас не произошло. Произошли лишь смута, террор, укрепилось нетерпение революционеров, которые в начале 20 в. все же привели к революции.

В условиях крепостничества народ вообще не принимал тот общественно-сословный дворянско-помещичий строй, который сложился в России уже в XVIII в., в нём постоянно зрело вековое чувство обиды и протеста. А русская интеллигенция – глубоко народное, чисто российское, глубинное явление, — стала авангардом в борьбе за социалистическую идею, в том числе и методами насильственной революционной борьбы и таким образом взяла на себя ответственность за бунт и смуту, которые стали чуть ли не постоянно действующими факторами во внутривнутриполитической жизни страны.

При этом не следует думать, что народ понимал, что такое социализм или коммунизм. Народ хотел не социализма, а просто дележа богатств, накопленных дворянством, помещиками и буржуазией. А социалистическая идея давала лишь идеологическое обоснование и санкцию к этому дележу. Потом, когда революция свершится, народ испытает огромное разочарование и пустоту. Возврат же к нормальному общественному бытию станет затяжным и болезненным.

Но кто подсчитал те жертвы и общественные растраты, которые сопутствовали революциям, бунтам и смутам? Кто ответил за невиданную эксплуатацию и гнёт в годы тоталитаризма, правления большевизма, национал-социализма и подобных им “измов” не только в СССР или Германии, но и во многих других странах? Как сказал известный австрийский экономист Л.Мизес, “все чудовищные войны и революции, чудовищные массовые убийства и ужасные катастрофы не изменили основного: идёт отчаянная борьба между теми, кто любит свободу, благосостояние и цивилизацию, и растущим приливом тоталитарного варварства”²⁹.

В истории российского народничества и раннего марксизма особое место занимает Г.Плеханов, который после 1875 г. стал одним из руководителей “Земли и воли”, “Чёрного передела”. С 1880 г. жил постоянно в эмиграции, где и стал убеждённым марксистом, верящим в возможность победы социалистической революции лишь в условиях достижения обществом высокого уровня индустриального развития, которое и формирует материальные предпосылки социализма в недрах буржуазного общества, наличия мощного пролетарского слоя, одновременного и мирного революционного преобразования сразу в ряде стран, а не “в одной отдельно взятой стране”. Стал основателем первой марксистской российской организации – группы “Освобождение труда”. Был одним из создателей РСДРП и газеты “Искра”.

Став марксистом, Плеханов отошёл от народничества, заняв по отношению к нему, как и Ленин, критическую позицию. После второго съезда РСДРП (1903 г.) Плеханов, как известно, выдвинулся в качестве одного из лидеров меньшевиков (российских социал-демократов),

²⁹ Л.Мизес. Социализм: экономический и социологический анализ. М., Catallaxy, 1994, с. 16.

предсказал печальное будущее большевизма, в 1905-1907 гг. выступал против вооружённой борьбы с царизмом, в 1917 г. – за продолжение войны с Германией, поддержал Временное правительство и не поддержал октябрьский переворот большевиков, которых называл “кривыми жожаками”, “алхимиками революции”, “контрреволюционерами”. В октябре 1917 г. он писал: “... Готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой рабочего класса, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс ещё далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России”³⁰.

Аналогичную точку зрения развивали в начале XX в. западная социал-демократия и западные марксисты, во многом не поддержавшие экстремизм российских большевиков. Например, Р.Люксембург писала, что “лишение прав не как конкретная мера ради конкретной цели, а как общее правило длительного действия, это вовсе не необходимое проявление диктатуры [пролетариата], а нежизнеспособная импровизация... Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов, Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет заглушаться и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуёмной энергией и безграничным идеализмом нескольких дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути – это хозяйничание клики; правда, эта диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т.е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов Советов с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни – покушениям, расстрелам заложников и т.д. Это могущественный объективный закон, действие которого не может избежать никакая партия”³¹.

Западная социал-демократия пошла другим путем и добилась, как известно, впечатляющих исторических результатов, сыскав широкую поддержку народных масс, не поступившись демократическими и социальными ценностями.

Интересно, что еще в 1903 г., сразу после второго съезда РСДРП, один из виднейших меньшевиков, П.Аксельрод, высказал важное предупреждение: “Если на Западе преобладают процессы саморазвития и самовоспитания рабочего класса, то в России особую роль приобретает воздействие на рабочих радикальной интеллигенции, объединенной в организацию профессиональных революционеров. При этом вся социал-демократическая партия превращается в построенную по строго иерархическому принципу пирамиду, на вершине которой стоят партийные “столоничальники”, а внизу находятся бесправные “рядовые члены”, своего рода “винтики” и “колёсики”, которыми по своему личному усмотрению распоряжается вездесущий руководящий центр”³². Сказано это, как видим, предельно точно.

Молодой Ленин считал Г.Плеханова своим учителем, он также критиковал народничество. Но критика эта распространялась не на их политические взгляды, методы организации и революционной борьбы, а на позиции по социально-экономическим вопросам. Как потом стало ясно, бланкистские и якобинские взгляды и методы революционного народничества в России большевики воспроизвели в полной мере и в неизмеримо более широком масштабе.

Таким образом, российский большевизм был сформирован не только западным марксизмом, но и всем революционным процессом в самой России во второй половине XIX в. Большевизм стал естественным продолжением российских национальных революционных традиций. Поэтому российский социализм или коммунизм, никогда и не был социализмом или коммунизмом в чисто марксистском смысле этих понятий.

Под влиянием растущего нигилизма, отщепенства, радикализма и бунтарства в среде российской интеллигенции постоянно существовала известная революционная заряженность в

³⁰ “Единство”, 28 октября 1917 г. Умер Плеханов в 1918 г., отвергнутый и не принятый новой страной и обществом, хотя считался учителем В.И.Ленина. Фигура, несомненно, также трагическая.

³¹ Р. Люксембург. О социализме и русской революции. М., 1991, с. 326, 330.

³² “Независимая газета”, 13 марта 1998 г.

обществе. Как писал известный российский социал-демократ П.Струве, “идеиной формой русской интеллигенции является её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка, как таковых (Бакунин и князь Кропоткин). Относительным это отщепенство является в разных видах русского революционного радикализма, к которым отношу, прежде всего, разные формы русского социализма”³³. Фактически народники и ранние марксисты, не говоря уже о большевиках, были реальными провокаторами бунтов, смуты и революций.

Тем не менее в конце XIX – начале XX вв. революционные брожения в России наталкивались не только на поддержку известных слоев российской интеллигенции, но и на сопротивление со стороны других слоев, не говоря уже о правящих кругах. В этом отношении характерно мнение известного статистика, руководителя Статистического Комитета и Статистического Совета России в начале 20 в. П.И.Георгиевского, который был принципиальным противником социалистических идей в России, пользовавшихся большой популярностью, в частности, в студенческих аудиториях. Он писал: “Отравление учащейся молодёжи социалистическими фантазиями, подносимыми ... под видом положений науки с университетской кафедры, может иметь для молодежи, а в лице нескольких поколений её – и для целого государства, самые печальные последствия, предупредить которые, по мере сил, я считаю своим нравственным долгом. В течение всей моей учёной и преподавательской деятельности, т.е. более 30 лет, я всегда печатным и устным словом ... ратовал против социализма, как ненаучного и опасного вероучения”³⁴.

Однако не приходится забывать, что социалистические революционные идеи имели большое хождение в России и пользовались широкой популярностью. Весьма характерное настроение российского общества накануне октябрьского переворота 1917 г. хорошо описывает А.Солженицын устами своего героя: “Весь продовольственный кризис – от игры спроса и предложения, от спекуляции. А установить завтра социалистическое распределение – и сразу всем хватит, ещё с избытком. Голод прекратится на второй день революции. Все появится – и сахар, и масло, и белый хлеб, и молоко. Народ всё возьмёт в свои руки – и запасы, и хозяйство, будет планомерно регулировать, и наступит даже изобилие. Да с каким энтузиазмом будут всё производить! Можно больше сказать: разрешение продовольственного кризиса и невозможно без социализма, потому что только тогда общественное производство станет служить не обогащению отдельных людей, а интересам всего человечества!”³⁵

Да, социалистические идеи, возникшие как на Западе, так и в нашей стране, воплощённые большевиками в жизнь, стали верой и религией для народа на многие десятилетия. Они привели к ложному политическому выбору в октябре 1917 г., к формированию глубоко ошибочной по своей сути нерыночной советской модели экономики. Эта ошибка могла привести лишь к тому, что мы и получили, ибо утопические идеи могут дать не полезные, а бесполезные, утопические и нежизнеспособные практические результаты.

Подводя итоги этому историческому воспоминанию об истоках большевизма, нельзя не сказать о том, что как внешние, так и внутренние его истоки, как оказалось, все же были не более, чем утопическими учениями. Об утопизме марксизма-ленинизма сказано уже немало. Утопизм российских народников, отрицавших развитие капитализма в России и формирование российского пролетариата, просто поражает. Но дело в другом.

Российское народничество оказалось мощным революционным движением. Оно сформировало и свою теорию “русского социализма”, в принципе отличную от западного марксизма, или “германского социализма”. Краеугольным камнем “русского социализма” был упор не на рабочий класс, а на крестьянство (на “крестьянский тулуп”, как говорил И.Тургенев), как якобы реальную социальную базу для революционного переворота, неприятие капитализма. В крестьянстве их привлекала прежде всего община – эдакое коллективное братство, которое проложит стране особый путь назревших экономических и социальных преобразований. Частично это результат влияния русского славянофильства, частично – непонимания исторической неизбежности капитализма, индустриализации и разложения крестьянства.

Стремление создать некое “мужицкое царство” без капиталистов, которые принесли Западу повседневный расчёт, прагматизм и бездуховность, могло создавать впечатление своей

³³ Вехи. М., Новости, 1990, с. 135.

³⁴ “Вопросы статистики” № 10, 1997, с. 94.

³⁵ А.Солженицын. “Красное колесо”. См.: “Наш современник” № 8, 1990, с. 51.

практической реализуемости лишь до начала промышленной революции в России. По мере же индустриализации и усиления пролетариата в России стал развиваться марксизм, который резко выступил против народничества, взял на вооружение марксистские постулаты, поставив в центр политическую борьбу и вооруженное восстание, но в процессе своего развития во многом отступил от Маркса, возродил многие народнические методы борьбы и после октябрьского переворота 1917 г. создал в нашей стране государство и общество, которые, в конце концов, не были приняты Историей.

В целом рассмотренные внешние и внутренние источники большевизма породили не только революционную идею о построении нового справедливого общества, которая была поддержана определенной частью населения России (особенно из интеллигенции и рабочих), но и программу действий большевиков после революции.